

Сон. — Караул! — кричу. — Погибает родной! Великий и могучий пропадает! Сохнет от неграмотности, вянет от косности, разрывается крайностями!..

— Вы что шумите, гражданин? — откликается строгий голос. — Причин для паники нет. Русский язык не только не погибает, но развивается и обогащается...

Ах, как хочется ему верить!

Случай. Огромный щит при въезде на одну из городских платных автостоянок гласит: «Водитель а/мобиля! Высади пассажиров!».

Интересуюсь у мужичка в будке, изображающего одновременно кассира и охранника, правильностью написанного.

— А как же надо-то? — удивляется он.

— Да вроде «пассажиров», — говорю.

Мужик глядит с мудрой печалью, как на переростка-второгодника.

— Это я сам писал, — терпеливо поясняет. — А уж русский язык мне родней родного. И, скажу тебе, приставки «па» в нем отродясь не было. «Посадить» — вот и «посажир».

Убедить его в том, что «пассажир» — слово иностранного происхождения, я не сумел.

— Иди-ка, товарищ, — сказал мужик. — Тебе, гляжу, заняться нечем, вот и буровишь что ни попадя...

Крайность первая. Она подразумевает основанное на неграмотности упрямое стремление «обрусить», втиснуть в рамки наших правил любое попавшее на язык слово.

Скажите, суждение мое непатриотично? О патриотизме речь

впереди. А пока — о простой грамотности.

Не может русский язык обойтись совсем без иностранных слов — это понятно. Без тех, какие органично влились, породни-

тер», «супервайзер». И все ходят важные такие, с «органайзерами», и занимаются «менеджментом».

А вот вывеска над конторой стряпчего: «Advocatio». Для заез-

И вываливаются из-под отравленного пера иных литераторов безобразные, извините, образы: «в соответствии с окончанием ночи явилось солнце», «подобные меры предосторож-

Все громче с экрана телевизора некие деятели от культуры все-речь рассуждают об официальном признании ненормативной лексики. Понимаете, о чем я? Дескать, то, что раньше ошибоч-

О ГИБНУЩЕМ «РУССКОМ» ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

лись с ним. Но правилам его все же не подчинились. Их, слова родом из-за границы, тоже учат в школе. Другое дело — кто как выучит.

А потуги некоторых «патриотичных» филологов внедрить написание слова «парашют» через «у» вместо «ю» вызывают горькую усмешку.

Крайность вторая. Это обезьянье подражание англоязычным странам. Определена эта крайность стремительными атаками западной культуры, засильем на наших экранах голливудских фильмов, чаще, чем хотелось бы, низкопробных.

И вольготно гуляют уже не только по бескрайним просторам нашей устной речи, но по страницам печатных изданий «прайсы», «дайджесты» и «рейтинги». Всякая уважающая себя дама желает иметь «бойфренда», а каждый третий у нас не просто «дилер» или «брокер», но уже «дистрибьютор» или еще какой «промоу-

жих итальянцев, что ли?

Или большущий транспарант на всю улицу: «Росно. The insurance company». И все. Обывательно, не подготовленному телерекламой, ни в жизнь не понять. Могли бы написать по-русски: «Страховая компания», а внизу помельче — вдруг да забредет какой англичанин — добавить по-ихнему.

Грустно это. Отберите у нации всё, оставьте язык — она выживет и создаст себе любые другие ценности. Отнимите язык — нет нации.

Крайность третья. Она вроде бы и не крайность, но тоже нерадостна. Это официальный, казённый язык. Мертвый язык.

Абсолютно правильный, но совершенно безликий, он настойчиво просачивается сперва на страницы газет (тут он будто, уместен на газету такую читать не хочется), затем ядовитой змеей расползается по литературе художественной.

ности периодически приводили к семейным разногласиям»...

Словом, художественное произведение этот язык убивает наповал.

Особая строка. Внеконкурсная, так сказать, строка, в коей хочется сказать о букве «ё». Очень распространённая в русском языке буковка. Она предусмотрена в азбуке, имеется на клавиатуре пишущей машинки и компьютера. Куда же она девается при наборе газетных и книжных страниц? Кому мешают эти две крохотные точки, лишившись которых «ё» опускается до банальной «е»? Очень это странно. А русскому человеку трудно без «ё»...

Крайность четвертая. Она уже рвется, просится на бумагу. Вот только хватит ли у терпеливой бумаги сил снести эту крайность.

От редакции: предлагаем читателям продолжить разговор о чистоте и сохранности русского языка. Присылайте свои мнения.

но считалось нецензурным, теперь должно получить свободу и прочно прилепиться к устам благодарных российских граждан.

А чего? Раз уж у нас теперь такая свобода!

Вот уж дудки! Лексика потому ненормативная, что вылезает за границы нормы. Но эти самые границы не какой-нибудь реакционный режим воздвигал, а сам народ русский, полагаясь на мораль свою — совесть то бишь. Не зареформировались ли, господа?..

В итоге. Вообще-то, конечно, панихида по русскому языку справлять рано. Авось, выдюжит. Народом он создавался, им и продолжится. Только вы, власти предрержащие, защитите свой народ. И язык его оберегите, пожалуйста.

Андрей ФРОЛОВ.
Писатель.